

Кодекс наркома

Традиции и личность в процессах советской модернизации Беларуси (на примере 1920-х годов)

Сергей ХОДИН, кандидат исторических наук, доцент

Модернизация, проводимая в нашей стране, требует учитывать не только новейшие технологии, но и сложившиеся в процессе социальных изменений общества традиции. Для ее реализации важным является наличие социально-экономических и политических условий, а также и личности, способной аккумулировать потребности общества и учесть их в подобного рода преобразованиях.

Переосмысление глобальных процессов и событий XX века, в которые была вовлечена советская страна, обусловило некоторые новые тенденции в историографии советской истории. Новая постановка вопросов все чаще звучит на научных форумах по тематике этого периода. В частности, О.Г. Буховец, открывая обсуждение по проблеме «Крестьянство и власть», заметил: «История показала примеры разных уровней модернизационных трансформаций, как в западной версии модернизации, так и в советской версии, которую я бы назвал альтермодернизацией. До сих пор нет

ответа на вопрос: как, казалось бы, «крестьяноборческая» советская власть устояла в крестьянской стране? И при этом пользовалась определенной поддержкой крестьянства?» [1, с. 163].

Изучая междисциплинарное поле истории, исследователи указывают не только на отличия, но и преемственность периодов развития различных стран, что неоднократно подчеркивалось на конференции, посвященной 110-летию начала Первой русской революции 1905–1907 годов, проведенной Институтом истории НАН Беларуси. Впрочем, ряд авторов утверждает, что началась она как революция крестьянская в 1902–1903 годах [2; 3, с. 71.]. Именно в это время П.А. Столыпин назначается гродненским губернатором, а затем возглавляет Саратовскую губернию.

Личность П.А. Столыпина оценивается исследователями как довольно противоречивая, но, в чем уж мнения не расходятся, яркая и заметная. Для белорусских историков она интересна еще и тем, что наркома земледелия БССР Д.Ф. Прищепова, олицетворявшего новую экономическую политику в Беларуси, историки различных направлений традиционно называют «белорусским Столыпиным».

Не является открытием факт, что для захвата власти большевики избрали тактику популизма, предложив для привлечения на свою сторону самой большой массы населения Российской империи – крестьян-

ОБ АВТОРЕ

ХОДИН Сергей Николаевич.

Родился в 1963 году в д. Путчино Дзержинского района Минской области. Окончил Белорусский государственный университет по специальности «История» (1985), Минский государственный лингвистический университет (1996). Работал учителем истории Докторовицкой СШ Копыльского района. С 1986 года заочно учился в аспирантуре. В 1988 году с должности директора школы переведен в Белорусский государственный университет на кафедру истории БССР преподавателем. С 1992 года – доцент кафедры истории Беларуси, с 1995 года – доцент кафедры источниковедения и музееведения исторического факультета Белорусского государственного университета. В 2000 году назначен деканом исторического факультета БГУ. С 2001 года одновременно заведует кафедрой источниковедения. Кандидат исторических наук (1990), доцент (1992). Автор около 140 публикаций, 12 учебных пособий (10 в соавторстве) по теории и истории источниковедения, источниковедению истории Беларуси. Сфера научных интересов: история крестьянства; социальная психология; этносоциальные и демографические процессы; источниковедение.

Д.Ф. Прищепов

ства – эсеровскую программу. Таким образом, Декрет о земле не предполагал ликвидации общинной собственности на землю, упразднялась лишь частная собственность. Повторяя эти известные положения, мы в ряде случаев забываем, что к 1917 году в центральной и западной части Беларуси (тогда Виленская, Гродненская и Минская губернии) не просто преобладало подворное землевладение; здесь землей на правах частной собственности владели не только помещики, но и крестьяне. Вместе с тем громада не была разрушена. В ее сохранении было заинтересовано центральное и местное руководство Российской империи, переложив на нее организацию выплаты повинностей. Значительный интерес к сохранению громады имели и сами крестьяне, рассматривавшие ее не только как элемент решения вопросов текущей жизнедеятельности, но и значимый социальный институт для защиты своих интересов.

Уже в этот период громада в Беларуси существенно отличается от традиционной российской общины, которая сохранила свои экономические функции, в том числе переделов земли, практиковавшихся с различной периодичностью. Община формировала и свое, особое мировосприятие. Протестные настроения в крестьянском обществе 1902–1903 годов усилили ее организующую роль в борьбе против помещиков. Община из института опоры власти становится в ряде случаев фактором, деструктивным для нее. Именно на этом фоне разворачивается деятельность П.А. Столыпина.

Петр Аркадьевич некоторое время рос в Ковенской губернии (в полученном его отцом имении), а далее учился в Виленской гимназии (в городе для этой цели был куплен дом). Немаловажно, что после окончания университета и нескольких лет государственной службы он занял пост предводителя дворянства Ковенской губернии. Не исключено, что именно это явилось решающим фактором при рассмотрении в 1902 году его кандидатуры на пост губернатора соседней Гродненской губернии.

Будучи сыном военного, Петр Столыпин умел ставить общественное выше личного, выше своей безопасности и жизни, отвечать ударом на удар противника. Как

человек наблюдательный, получивший хорошее образование, он не мог не заметить, что крестьянин-собственник не только не поддерживал, но и выступал против радикальных действий, способствующих распространению революционных событий. Можно с большой степенью уверенности утверждать, что, став саратовским губернатором, П.А. Столыпин сформулировал основные выводы, которые в дальнейшем легли в основу законопроектов по реализации аграрной реформы в России.

Дмитрий Филимонович Прищепов в юные годы сделал успешную военную карьеру – в 20 лет командовал ротой на Западном фронте. Решительность также была яркой чертой его характера. По своему происхождению Д.Ф. Прищепов был выходцем из крестьян, на которых П.А. Столыпин и нацеливал свои идеи аграрной реформы. Витебщина, родина Дмитрия Филимоновича, стала одной из губерний, где Столыпинская реформа достигла существенных успехов. В годы революции значительная часть Витебской губернии, также как и Минской, была охвачена массовыми крестьянскими выступлениями против большевистских мероприятий «военного коммунизма». В Витебской губернии усилилось устремление к хуторскому хозяйству [4, л. 3–79]. Эти факторы в определенной степени сближали ситуацию в центральной части Беларуси (где была провозглашена независимость БССР) и восточной, территория которой до середины 1920-х годов входила в состав РСФСР.

В ряду других довольно часто возникает вопрос: почему крестьянство Беларуси не протестовало далее, а прекратило выступления, как только советская власть дала возможность ему хозяйствовать на земле самостоятельно? Первым фактором явилась, безусловно, усталость от многолетней войны и приграничное положение БССР, дислокация большого количества войск. Кроме того, земля представлялась белорусскому крестьянину не товаром для продажи, а самой величайшей ценностью, которая должна обрабатываться и принадлежать тому, кто ее обрабатывает [5]. Требование о ликвидации частной собственности на землю присутствовало как во Второй Уставной грамоте БНР, так и в Манифесте Рабоче-крестьянского правительства ССРБ. Выходец из крестьян,

Д.Ф. Прищепов в вопросе наделения землей отстаивал трудовой принцип: минимальные и максимальные нормы в зависимости от наличия рабочей силы и инвентаря и рекомендовал сохранять крупные показательные хозяйства.

90 лет назад после первого укрупнения БССР был принят общий Земельный кодекс. Этот документ, в условиях отказа руководства СССР рассмотреть предлагаемый вариант Конституции БССР 1925 года (в определенной части реализованный в 1927 году), стал знаковым для республики. Как и предлагавшийся Основной закон страны, Земельный кодекс был составлен со знанием и пониманием сложившихся традиций развития Беларуси. Возвращение в состав БССР некоторых территорий Витебской, Гомельской и Смоленской губерний предопределило распространение здесь белорусского законодательства. К этому времени был разработан Земельный кодекс БССР 1923 года, который существенно отличался от Земельного кодекса РСФСР от 1 декабря 1922 года, в первую очередь в сфере общинных отношений. Главное отличие заключалось в неприятии общинной формы землепользования, не допускались и уравнильные переделы. Земля закреплялась в постоянное пользование за поселками и другими хозяйственными объединениями или за отдельными землепользователями. Земельный кодекс 1925 года, отрицая общину как форму экономического взаимодействия, сохранил земельное общество как приемника громады для решения возникавших споров и вопросов. Инструментом такого решения оставался сельский сход.

В середине 1920-х годов в СССР при обсуждении законопроекта «Об основных началах землепользования» развернулась большая дискуссия, затронувшая, в частности, вопросы общинного землепользования, а также дальнейших путей развития сельского хозяйства. В условиях нарастания кризисных явлений в развитии сельскохозяйственного производства (в первую очередь снижения товарности сельского хозяйства и роста социальных противоречий) усилилось влияние слоев населения и управленцев, предлагавших отбросить «нэп к черту» и вернуться к коллективному («социалистическому») хозяйству. Создать такие формы землепользования,

которые бы максимально содействовали этому процессу, по их мнению, являлось «задачей будущего земельного закона» [6, с. 98]. Делегация БССР определила данный проект как документ, который чрезмерно детализирует нормы земельного законодательства и не отражает специфику республики.

Сторонники общины полагали, что при диктатуре пролетариата важнейшим элементом будущего социалистического общества является община, избавленная от прежних патриархальных черт. Одним из представителей такой точки зрения выступил М. Суханов. Он утверждал: «Община – это на три четверти публично-правовая, советская, государственная мельчайшая единица; а на одну четверть – это добровольное объединение, подобное кооперации или иному коллективу, созданному на добровольных началах» [6, с. 101]. Соглашаясь с тем, что законопроект «Основные начала землепользования» чрезмерно детализирован, М. Суханов выразил недовольство тем фактом, что профессор М.П. Макаров (отражая точку зрения Наркомзема БССР) назвал развитие производственных сил деревни важнейшей задачей власти. По мнению М. Суханова, главное – это строительство социализма. Во имя этой цели (возможно, на некоторое время) позволительно отказаться от экономической целесообразности на пользу идеи. Он считал, что «для окончательного конституирования общины в качестве государственной самой мелкой территориальной единицы необходимы, по существу, только две коррективы к существующему положению дел: 1) отмена права хозяев домов отделяться от общины с землей и 2) предоставление права голоса на собрании пришлым жителям общины. Фактически это никак не разрушило бы жизни современной общины. Но это окончательно сделало бы ее советским органом. Это слило бы ее в единое понятие с сельсоветом» [6, с. 102]. Он обратил внимание на то, что «...советское законодательство (в Земельном кодексе. – Авт.) допустило выход из общины с землей, хотя бы и с разрешения собрания. Предлагаемый законопроект идет дальше в направлении столыпинского законодательства и допускает выход и выделение из общины без ее согласия. И то и другое подталкивает общину к ликвидации и уже ликвидирует

ее в качестве института публичного права» [6, с. 101].

В полемике М. Суханов проявил себя как отличный публицист. «...Говорить, что именно освобождение от общины создает движение к социализму, не стоит, – писал он. – Это все равно, что приписывать американской почве, климату или даже ответственности тот факт, что в Америке – самое энергичное, предприимчивое и здоровое население мира. Нет – оно там такое потому, что туда съехались, путем иммиграции из старых стран, все наиболее подвижные, энергичные и здоровые элементы, которые ищут лучшего, способные преодолеть препятствия и устроить свою судьбу. Необходимо правильно разбираться в причинах и результатах даже тому, кто очень хорошо знает факты» [6, с. 108]. Суханов делает вывод о том, что «...Советское государство, допуская разрушение общинного аппарата, совсем пренебрегало им, вместо того, чтобы опереться на него и использовать его в деле поднятия крестьянского общества. Необходимо переменить все это» [6, с. 107].

Оппоненты Суханова ссылались на дискуссию в газете «Беднота», где все корреспонденты выступили против общины. Подобную позицию они объясняли тем, что община в трех аспектах негативно влияет на развитие социальных отношений в деревне: «...во-первых, она сдерживает хозяйственный и культурный рост бедняцких и середняцких масс; во-вторых, объединяя мелких товаропроизводителей в старой словной организации, она тормозит их объединение в единственно возможной форме – кооперативной; в-третьих, благодаря общине капиталистические отношения идут не путем чистого капиталистического развития, а по старым чисто кулацким, торгово-ростовщическим направлениям» [7, с. 118].

Оппоненты общинного пути утверждали, что хуторяне и жители землеустроенных поселков охотнее кооперируются, образуя машинные и иные товарищества. Не обращая внимания на то, что противоречит сам себе в рассуждениях об эволюции общины, М. Кубанин цитирует следующего селькора бедноты: «Община так и осталась дореволюционной общиной. В ней и сейчас власть «мира». В ней и сейчас управляет кучка мироедов и «крикунов». Община, управ-

ляемая этой кучкой, ненавидит все новое. В ней еще идут ежегодные переделы земли и лугов, пропивание их за самогон, сдача их в аренду с магарычом, отвод усадеб за магарыч» [7, с. 123].

Д.Ф. Прищепов и его сторонники в Наркомземе и научно-исследовательских учреждениях не являлись напрямую участниками названной дискуссии, но фактически стояли на стороне оппонентов общины. Нарком земледелия БССР в ряде своих статей утверждал, что в восточной части Беларуси общины не было. В газете «Звезда» за 1926 год он писал: «На территории Гомельщины не существовал общинный порядок землепользования, и потому современная земельная политика, насквозь общинная, требует изменения и проведения ее на принципах, установленных в Беларуси» [8]. Осознавая, что многолетние семьи (преимущественно бедняцкие) будут недовольны, Д.Ф. Прищепов и обращал внимание на необходимость превентивной разъяснительной работы среди крестьянства: «Если теперь провести раздел земли по едокам, который фактически является черным переделом, то я уверен в том, что через несколько лет, как только изменится число едоков, крестьяне снова будут делить землю по едокам. Таким образом, мы такой политикой ставим деревню на путь перманентного «черного передела», при котором реорганизации сельского хозяйства нельзя будет провести», – писал Д.Ф. Прищепов [8].

В Российской Федерации ограничение переделов земель Земельным кодексом 1922 года крестьянство встретило с явным недовольством. В конце 1927 года правительство РСФСР разрешило произвести общий уравнительный передел земли в тех земельных обществах, где он не проводился с 1922 года и в которых сохранилась значительная неравномерность в землепользовании дворов. «В этих случаях, – пишет Л.В. Алиева, – общий передел земель мог производиться даже по требованию меньшинства членов общества» [9, с. 150]. В 1928 году по Псковскому округу 68,17 % земель находилось в общинном пользовании. По РСФСР на долю общины приходилось 95,4 % трудового земельного фонда [9, с. 151].

Уже на этапе перехода к рыночным отношениям определились существенные

противоречия между советской властью и общиной, которая все чаще проявляла недовольство расширением влияния зажиточного крестьянства, женщин и т.д. Властные структуры, стремясь преодолеть консерватизм общины, пробовали оживить деятельность местных Советов. Начался процесс создания бюджетов сельских Советов. В соответствии с Законом от 24 августа 1927 года «О самообложении сельского населения», сбор и расходование средств самообложения проводились сельским Советом. Расширились возможности сельсоветов вмешиваться в дела земельных товариществ. Председатель Краснослободского РИКа, приехав на сход, заявил: «Лягу на стол и буду лежать, пока самообложение не проведу» [10, л. 435].

С февраля 1928 года сбор самообложения осуществлялся органами государственной власти. Усилилось административное давление на участников собрания. Один из авторов писем в ЦК КП(б)Б описывает следующую ситуацию: «Выбирают президиум, причем стараются выдвинуть кого-либо из сельсовета, в частности, председателя. Подавляющим большинством голосов крестьяне голосуют против кандидатуры, Представитель РИКа встает и заявляет: «Все же председатель должен быть в президиуме» и его вводит в президиум сам, не считаясь с собранием» [10, л. 434].

Принятое 15 декабря 1928 года ЦИК СССР постановление «Общие начала землепользования и землеустройства» содержало определенный компромисс. В нем отражены (хотя и частично) замечания, которые высказывались со стороны партийно-советских руководителей из союзных республик (в частности РСФСР). Общинный порядок сохранялся для всего СССР, хотя этот документ существенно изменял и правовой статус общины, и ряд традиционных подходов. Вместе с тем можно вести речь о плавном переходе к коллективному хозяйству. Колхоз территориально нередко совпадал с общиной, являясь ее преемником, он (как и община) выполнял подобную функцию посредника в отношениях крестьянина с государством. Как и из общины, из колхоза сложно было уйти с землей, на него была возложена ответственность за исполнение обязательств перед государством. Сохранение общины предопределило то, что крестьяне иногда

вступали в колхоз «всем обществом» [11, с. 299–307].

Реализуя усилия по модернизации деревни с учетом сложившихся традиций, Д.Ф. Прищепов выступал за развитие агрономии и зоотехнии, кооперацию, делал акцент на частную инициативу крестьянина. Но утверждение о том, что Д.Ф. Прищепов – «белорусский Столыпин», на наш взгляд, не соответствует действительности. Отстаивая свободный выбор форм землепользования в соответствии с законодательством БССР, он видел определенные приоритеты в развитии крупного товарного производства, которое должно было базироваться не на частной собственности на землю, а на кооперативных принципах. Многофункциональный кооператив должен был основываться, прежде всего, на поселковой форме землепользования. Выступая против общины с ее уравнилительно-распределительной функцией, Д.Ф. Прищепов отстаивал необходимость сохранения земельного общества (преемника громады) как органа самоуправления и координации деятельности крестьянских хозяйств. Дмитрий Филимонович Прищепов, 120-летие со дня рождения которого будет в 2016 году, ратовал за развитие белорусской государственности в союзе с братскими республиками, и многое для этого сделал. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Марченя, П.А., Разин, С.Ю. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» / П.А. Марченя, С.Ю. Разин // *Власть*. – 2011. – № 8. – С. 161–171.
2. Данилов, В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. / В.П. Данилов // *Крестьяне и власть: материалы конф.* – М. – Тамбов, 1996. – С. 4–23.
3. Грациози, А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / А. Грациози. – М., 2001.
4. Государственный архив Витебской обл. – Фонд 191. – Оп. 1. – Д. 1.
5. Ходин, С.Н. «Я из деревни» / С.Н. Ходин // *Беларуская думка*. – 2014. – № 1. – С. 83–88.
6. Суханов, Н. Община в советском аграрном законодательстве / Н. Суханов // *На аграрном фронте*. – 1926. – № 170–171. – С. 97–110.
7. Кубанин, М. Община при диктатуре пролетариата (ответ Н. Суханову) / М. Кубанин // *На аграрном фронте*. – 1926. – № 170–171. – С. 107–125.
8. Прищепов, Д. Земельная политика на присоединенных территориях / Д. Прищепов // *Звезда*. – 1927. – № 170, 171.
9. Алиева, Л.В. Реализация Земельного кодекса РСФСР 1922 г. в контексте эволюции крестьянской поземельной общины (на материалах Псковской губернии) / Л.В. Алиева // *Псков*. – 2006. – № 24. – С. 148–152.
10. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 4211.
11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: в 5 тт. – Том 1: Май 1927 – ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы; отв. ред. В.П. Данилов; отв. сост. В. Данилов, М. Кудюкина. – М.: РОССПЭН, 1999. – 880 с.